

Научная статья
 УДК 327.7
 doi: 10.54398/1818510X_2023_1_102

ТУРЕЦКО-АДЖАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:
 РЕЛИГИОЗНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1991–2018)

Ахматшина Энеш Курбансейидовна¹, Лученков Иван Романович²✉

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹ enesh.bayramova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6795-3031>

² lir-529@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-4340-4454>

Аннотация. Данное исследование фокусируется на анализе экономической и религиозной политики Турции на территории Аджарской Автономной Республики в период до начала пандемии COVID-19 в контексте имплементации концепций «неоосманства». Статья затрагивает рассмотрение исторических процессов, определивших вектор турецко-аджарских отношений, анализируя основные особенности взаимодействия на современном этапе с точки зрения проявления политики турецкой «мягкой силы» в обозначенном регионе. Транзитная роль Грузии в проектах, связывающих Турцию с Азербайджаном и странами Центральной Азии, обеспечивает развитие пантюркистского направления внутри неоосманской концепции: продвижение наднациональной идентичности посредством единого экономического и культурного пространства Турции и других тюркских государств, объединённых происхождением и общей религией, намного проще, чем вести схожую политику по отношению к христианской картвелеязычной стране. Батуми является важным транспортным узлом, необходимым для реализации дальнейших энергетических проектов, поэтому Турции необходимо поддерживать здесь своё присутствие. Потенциальные газо- и нефтепроводы из Казахстана и Туркменистана могут проходить по дну Каспийского моря, минуя, тем самым, сухопутную государственную границу Ирана и России. Вследствие этого Турция повышает привлекательность Аджарии для турецких туристов и предпринимателей, усиливающих её присутствие в жизни региона.

Ключевые слова: Турция, Грузия, Аджария, Батуми, Грузинская православная церковь, ислам, суфии, экономика, трансрегиональное взаимодействие, неоосманство

Для цитирования: Ахматшина Э. К., Лученков И. Р. Турецко-аджарские отношения в постсоветский период: религиозный и экономический аспект (1991–2018) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 102–106. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_102.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

TURKISH-ADJARIAN RELATIONS IN THE POST-SOVIET PERIOD: THE RELIGIOUS AND ECONOMICAL ASPECT (1991–2018)

Enesh K. Akhmatshina¹, Ivan R. Luchenkov²✉

^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹ enesh.bayramova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6795-3031>

² lir-529@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-4340-4454>

Abstract. The study concentrates on the analysis of the activities of Turkish governmental and nongovernmental organizations in the territory of the Adjarian Autonomous Republic. The major historical period covered by the research is the post-Soviet era that preceded the beginning of the COVID-19 pandemic. The research questions focus on the Adjaro-Turkish interaction in the economic and religious spheres in the specified period. The implementation of the Neo-Ottoman policy in Adjara is the central topic of this study. The paper discusses the historical processes that determined the vector of Turkish-Adjarian relations. It also analyses the main characteristics of the current state of interaction by Turkey's soft power policy in the area. The transit role of Georgia in projects connecting Turkey with Azerbaijan and the countries of Central Asia ensures the development of the Pan-Turkic direction within the Neo-Ottoman concept. Nevertheless, we should say that the promotion of a supranational identity by means of the single economic and cultural space of Turkey and other Turkic states, united by origin and a common religion, is much easier than pursuing a similar policy towards a Christian Kartvelian-speaking country. Batumi possesses a substantial transit hub necessary for the implementation of further energy projects, so Turkey needs to maintain its presence here. Potential pipelines from Kazakhstan and Turkmenistan may be placed along the Caspian seabed, by skirting the land border of Iran and Russia. Consequently, Turkey increases the attractiveness of Adjara to Turkish tourists and entrepreneurs, strengthening its presence in the life of the region.

Keywords: Turkey, Georgia, Adjara, Batumi, Georgian Orthodox Church, Islam, Sufis, Economics, Transregional cooperation, Neo-Ottomanism

For citation: Akhmatshina E. K., Luchenkov I. R. Turkish-Adjarian relations in the post-Soviet period: the religious and economical aspect (1991–2018). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 1 (74), pp. 102–106. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_102.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Геополитическая катастрофа, потрясшая Евразию в 1991 г., именно так можно ёмко и сжато описать распад СССР. Последствия кризиса по-своему отразились в каждой из союзных республик, однако закономерным исходом размывания советской межнациональной идентичности вследствие идеологического вакуума стала эскалация этноконфессиональных конфликтов на фоне растущего шовинизма титульных наций и крайних проявлений национализма. Переломный период начала 1990-х гг. посеял смуту и на бывших южных рубежах Советского Союза – в Закавказье. В Грузии этот раскол усиливался не только между грузинами и представителями

других, населяющих страну, народов, но и с аджарцами – крупной субэтнической группой грузинского народа, компактно проживающей на территории современной Аджарской Автономной республики и наиболее подверженной исламизации в XVII–XVIII вв. [20, с. 159]. Идеологическим базисом, лежащим в основе дискурса грузинского национализма, считаются труды грузинского общественного и политического деятеля конца XIX – начала XX в. Ильи Григорьевича Чавчавадзе, основанных на идее о трёх краеугольных камнях грузинской идентичности, которыми являются общая территория (в границах расцвета грузинского царства), грузинский язык и православная религия [11, с. 198–199].

Вследствие двух последних элементов этой триады грузинская национальная идея сталкивалась с неизбежной коллизией внутри своего базиса, отчуждая представителей единого картавельского происхождения, говорящих на других языках или исповедующих иную религию, среди которых мы можем выделить мухаджиров грузинского происхождения, переселившихся в Османскую империю в XVIII–XIX вв., турок-месхетинцев, по одной из версий своего этногенеза являющихся потомками исламизированных и тюркизированных месхов [5, с. 160–161], картовелеязычных мусульман, проживающих на востоке черноморского побережья Турции – лавов, достаточно рано обособившихся в качестве отдельной этнокультурной группы [2, с. 128–131], и аджарцев, наиболее близких по языку и культуре к грузинам-христианам. Аджария в своих исторических границах между речья Чороки и Чолохи входила в состав Османской империи в качестве Чылдыранского зялета на протяжении трех столетий: с 1570-х по 1878 г., – отойдя к Российской империи, согласно положениям Берлинского трактата. И хотя грузинские православные просветительские общества предпринимали попытки проповеди христианства местному населению, успех этих миссий был весьма ограничен.

Процесс ассимиляции аджарского населения в рамках общегрузинского национального строительства берёт свои истоки уже в годы советской власти. Согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., аджарцы считались отдельным народом, однако к 1939 г. были отнесены к грузинской национальности. Стоит отметить, что советская сторона, приняв условия правительства Мустафы Кемаля при заключении Московского и Карского договоров, обязалась предоставить автономии мусульманам, проживающим в границах Батумского округа Кутаисской губернии бывшей Российской империи. 16 июля 1921 г. в составе Грузинской ССР была образована новая национальная территориально-административная единица – Аджарская АССР [6, с. 346]. Тем не менее в 1920–1930 гг. в рамках антирелигиозной политики коммунистического руководства мусульмане Аджарии подвергались репрессиям: из 158 мечетей республики были закрыты 122 [15, с. 42–43], и только двум из 150 медресе было разрешено продолжать просветительскую деятельность. Депортация турок-месхетинцев в 1944 г. привела к значительному снижению мусульманской составляющей региона [5, с. 160].

Правительство независимой Грузии 1990-х гг., возвращая новую идентичность на основе грузино-православного культурного наследия, не препятствовало Грузинской православной церкви (ГПЦ) вести активную миссионерскую деятельность на территории аджарской автономии, что привело к эскалации конфликта между местными органами власти и мусульманскими общинами региона [5, с. 167–173]. Официально Грузия выходит из состава Советского Союза 9 апреля 1991 г., а 14 апреля её первым президентом становится Звиад Константинович Гамсахурдия. Шовинизм Гамсахурдии, лежащий в основе его политической программы, привёл к эскалации межнациональных конфликтов, в частности 21 декабря того же года Южная Осетия объявляет о своей независимости. Свержение же З. К. Гамсахурдии 6 января 1992 г. привело к скоротечной гражданской войне, вершину которой одерживают войска Государственного Совета во главе с Эдуардом Амвросиевичем Шеварнадзе.

Периодизация этих процессов совпала с интенсификацией турецкой внешнеполитической парадигмы «неоосманизма», чья постепенная имплементация на официальном уровне начинает формироваться в годы правления президента Турции Тургута Озала. При этом данная концепция, безусловно, имеет достаточно богатую первооснову в турецкой общественно-политической мысли второй половины XX в. Эта многоаспектная политика не является проявлением реваншизма, а направлена на интенсификацию экономического и гуманитарного сотрудничества на культурно-географическом пространстве бывшей Османской империи и сопредельных территорий [1, с. 63–65] при особом акценте на налаживание взаимодействия с тюрко-мусульманскими государствами и народами постсоветского пространства. И хотя на официальном уровне Турция отказывается от каких-либо территориальных споров с грузинской стороной, невозможно отрицать явную заинтересованность турецкого руководства в оказании влияния на Аджарию – геополитически важный регион, лежащий на пересечении крупных транспортных магистралей на границе Европы и Азии.

Основная часть

Начало проникновения турецких структур в регионе: период правления А. И. Абашидзе

Ситуация в Аджарии тех лет также не отличалась стабильностью из-за протестных выступлений местного населения, в том числе мусульман, недовольных деятельностью ГПЦ. По протекции президента Гамсахурдии пост Председателя Верховного Совета Аджарской автономной республики в июле 1991 г. занимает Аслан Ибрагимович Абашидзе. Дабы не углублять ситуацию, Абашидзе, тем не менее, не решает идти на конфликт с представителями грузинского патриархата. Параллельно с этим турецкие религиозные структуры предпринимают шаги по налаживанию связей с аджарскими мусульманскими деятелями и организациями, рассчитывая тем самым привлечь внимание правительства в Тбилиси к существующей проблеме [16, с. 81].

Тем не менее, в условиях вакуума центральной власти А. И. Абашидзе на местах активно противодействует усугублению экономического кризиса, охватившего страну после свержения в 1992 г. президента Гамсахурдии. Глава автономии отказывается направлять средства, полученные за счёт таможенных сборов в национальную казну, взяв под непосредственный контроль участок турецко-грузинской границы и батумский порт [13, с. 144]. Вместе с этим Абашидзе вёл протекционистскую политику и препятствовал проникновению турецких капиталов в местную экономику. Одним из немногих инструментов влияния турецких бизнесменов оставалось предоставление кредитов аджарским предпринимателям, что со временем сформировало костяк лояльной Турции экономической элиты региона [18].

Для урегулирования межрелигиозного конфликта в контексте всё более возрастающей поддержки деятельности ГПЦ Абашидзе в частном порядке допускал осуществление благотворительной деятельности турецких НКО в мусульманских сельских районах республики, а также не препятствовал получению студентам из Аджарии религиозного образования в Турции [5, с. 165–166]. Вернувшись выпускниками, отстаивая религиозные и политические права своих единомышленников, опосредованно продвигали турецкую повестку дня, тем самым постепенно затормозив резкий переход аджарцев в православие.

Амбиции Абашидзе составить конкуренцию Шеварнадзе на президентских выборах 2000 г. обострили и без того хрупкие отношения между Батуми и Тбилиси. Желая набрать как можно больше политических очков, глава Аджарии официально обращается к Сулейману Демирелю, напоминая главе «государства-гаранта» об обязательствах по защите прав автономии [5, с. 178]. В свою очередь президент Турции направляет бывшего министра иностранных дел Хикмета Четина в качестве своего специального представителя, который сумел привести противоборствующие стороны к консенсусу.

Однако сложившийся статус-кво просуществовал весьма непродолжительное время: приход к власти Михаила Саакашвили полностью поменял расстановку политических сил в стране. Умеренный курс Шеварнадзе сменил резкий поворот на Запад. Укрепление отношений с Турцией, выступившей активным посредником в интеграции страны в евро-атлантические структуры, стало приоритетной задачей нового президента [13, с. 140–145]. В данном контексте стоит отметить, что Абашидзе не поддержал подобных инициатив, отстаивая свою пророссийскую позицию, и идёт на конфронтацию с Саакашвили, заявившего о применении жёстких мер в ответ на сопротивление главы автономии.

Развитие дальнейших событий в ходе Революции роз коллапсировало ситуацию в Аджарии: изначальный протест местных мусульман и предпринимателей вывел на улицы Батуми широкие массы населения [18]. Мобилизованные вооружённые силы республики готовились силой подавлять выступления протестующих. Мировая общественность ожидала повторения югоосетинского и абхазского сценария, однако российская сторона, препятствуя возникновению нового очага нестабильности на территории Закавказья, убеждает Абашидзе оставить сопротивление, а вместе с этим покинуть Аджарию [13, с. 131–134].

6 мая президент Саакашвили распускает Верховный Совет Аджарии и объявляет досрочные выборы, на которых с большим разрывом побеждает партия его сторонников, которая уже 1 июля того же года вносит поправки в закон «О статусе Аджарской

Автономной республики», значительно урезавшие полномочия правительства автономии по ряду стратегически важных политических вопросов. В свою очередь президент страны наделялся рядом новых полномочий, в частности правом роспуска аджарского правительства «...в случае угрозы национальному суверенитету» [20], Турция же направляет ноту протеста о недопустимости дальнейших ограничений республиканских прав и полномочий [13, с. 139–141].

Уход Абашидзе снял существующие барьеры, препятствующие деятельности турецких организаций в регионе. С общим расширением двусторонних отношений между Грузией и Турцией, Аджария постепенно начала интеграцию в единое турецко-аджарское экономическое и культурное пространство, проводниками которой стали официальные турецкие правительственные структуры (Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (TİKA), Управлением по делам религии Турции (Diyaret) при активном участии коммерческих предприятий и религиозных НКО. Таким образом, мы можем условно диверсифицировать их сферы деятельности на «секулярную», которая охватывает реализацию проектов в области развития туризма, инфраструктуры и других секторов экономики, а также «религиозную», в ведении которой относится претворение в жизнь программ, способствующих развитию мусульманской общины региона, такие как оказание целевой финансовой помощи мусульманам, проживающим в труднодоступных районах республики, поддержка исламского образования, реставрация и строительство мечетей.

Участие Турции в развитии исламских организаций Аджарии

Официальная статистика, учитывающая религиозную принадлежность жителей республики в советский период, отсутствовала, что значительно препятствовало эффективной работе исламских НКО в 1980–1990-е гг. Согласно же данным Батумской и Лазской епархии ГПЦ, в 1986 г. на территории автономии проживало около 300 тыс. мусульман, или 75 % от совокупного населения региона [5, с. 160]. В этой связи стоит отметить, что миссионерская политика Грузинского патриархата не была направлена на христианизацию, проживающих в стране мусульманских этнических меньшинств, однако по отношению к аджарцам и светские, и церковные власти были единодушны во мнении, что их исламская идентичность является исторической несправедливостью [17, с. 165–170].

Как итог, согласно официальной статистике 2001 г., на долю мусульман приходилось лишь около 30 % населения Аджарии [5, с. 167–171]. Особого внимания заслуживает факт конфессионального поколенческого раскола внутри аджарских семей, когда в отличие от своих родителей, продолжавших исповедовать ислам, молодёжь всё чаще принимала православие, исходя из чувства национального единства [10, с. 60]. Стоит сразу отметить, что с активизацией деятельности турецких религиозных организаций ситуация несколько стабилизировалась. Согласно последней переписи 2014 г., мусульмане уже составляли около 40 % населения Аджарии и около 25 % населения Батуми [7]. В этой связи нам следует рассмотреть проблематику правового статуса ислама в Аджарской Автономной республике.

Согласно Карсскому и Московскому мирным договорам, защита культурных и религиозных прав и свобод местного мусульманского населения являлась главными условиями передачи суверенитета над Батумом и его окрестных территорий (Верхней и Нижней Аджарии) грузинскому правительству. Действующая Конституция Аджарии детально рассматривает вопрос экономической автономии региона, но не содержит положений касательно его конфессиональной специфики [19], в отличие от общенациональной Конституции, в которой прописана особая роль Грузинской православной церкви [12]. Именно на этих основаниях турецкие религиозные организации с начала 1990-х гг. ставят перед собой цель по защите исламской составляющей Аджарии, которая зачастую интерпретируется представителями православной общественности как пропаганда экстремистской идеологии, которая в начале 2000-х гг. исходила не из Турции, а от немногочисленных салафитов, поддерживающих связи с джамаатами Панкисского ущелья [10, с. 24–25].

Первый визит в Аджарию представителей турецких религиозных НКО, большая часть из которых являлась выходцами из движения Хизмет, состоялся 11 января 1990 г. Позднее поленовцы также открывают на территории республики свой учебный центр. В середине же 2000-х гг. на территории Батуми и близлежащих районов свою активность проявляют представители нашкобандийского тариката Сулеймана Хилми Тунахана, основавшие шесть медресе. Однако перед этими структурами не стояла цель проповеди ислама широким массам аджарского населения, а в первую очередь консолидация и финансовая поддержка разобщённых общин верующих и лишь затем формирование активистских движений, способных отстаивать права своих единомышленников и вести на равных межрелигиозный диалог с Грузинской православной церковью [5, с. 178–181]. Поддержку местным мусульманам также оказывают Стамбульский турецко-грузинский культурный центр, основанный потомками мухаджиров, и немногочисленные репатрианты.

Хотя основная доля мусульманского населения республики сосредоточена в труднодоступной горной местности на востоке автономии, где в ряде муниципалитетов составляют до 90 % от совокупного населения, деятельность подобных организаций в основном ограничивается Батуми [16, с. 81–89]. Необходимые контакты с жителями этих регионов поддерживаются в основном по линии неформальных семейных связей [10, с. 55–56]. Официальным каналом связи турецкого правительства с муфтиятом Аджарии при посредничестве генерального консула в Батуми является Diyanet – Управление по делам религии Турции [6, с. 349–351]. И хотя речь идёт в основном о расширении гуманитарного сотрудничества, Турция заинтересована в восстановлении мечетей османского периода. В частности, на территории Батуми за счёт средств турецких инвесторов была реконструирована единственная сохранившаяся из трёх исторических мечетей города – Орта Джами. В течение последних десятилетий с администрацией города ими также ведётся полемика вокруг воссоздания мечети Азизие, разрушенной в 1930-е гг., однако местные власти не спешат с принятием решения, опасаясь негативной реакции ГПЦ [8]. Тем не менее при поддержке Турции число новых мечетей по всей республике за период с 2002 по 2017 г. увеличилось почти в два раза – с 102 до 200, большая часть из которых была построена в сельских районах республики [14].

Однако другой не менее важной проблемой считается недостаточное количество собственных мусульманских религиозных структур на территории Аджарии. Наиболее активной общественной организацией является НПО «Союз мусульман Грузии», аффилированный с аджарским муфтиятом, который, в свою очередь, является подразделением Духовного управления мусульман Грузии. Подобная иерархическая структура отличается излишней бюрократизацией, тормозящей осуществление исламских проектов не только на региональном, но и на национальном уровне [10, с. 45–55]. Из-за автономного статуса турецких религиозных НКО их деятельность несинхронна с имплементируемыми программами правительственных структур Турции, что влечёт за собой географический фактор препятствует налаживанию каналов связи между отдельными общинами республики, на которые опосредованно влияет реализация инфраструктурных и иных проектов за счёт активных вливаний турецких капиталов.

Турецкий фактор экономического развития Аджарии

Развитию турецко-аджарских экономических связей предшествовало разрешение на выезд в Турцию с целью коммерческой деятельности советским гражданам 31 августа 1988 г. До начала 2000-х гг. основной объём товарооборота по сухопутному маршруту между Турцией и Грузией осуществлялся исключительно по территории Аджарии, через контрольно-пропускной пункт в с. Сарпи, который, несмотря на открытие двух новых транзитных маршрутов в Самцхе-Джавахети, до сих пор удерживает за собой лидерство по среднему количеству осуществлённых грузоперевозок (более 350 тыс. в год, согласно данным за 2014 г.). В течение длительного времени основная масса турецких товаров поставлялась в Аджарию нелегально, однако на сегодняшний день эта проблема окончательно была решена [3, с. 472–478].

Во многом подобное положение дел было связано с ограничительной политикой Абашидзе по отношению к турецким предпринимателям. Тем не менее общая политическая нестабильность влечёт за собой активную фазу военных действий 1990-х гг. препятствовали распространению турецкого капитала на территории других регионов страны, сосредоточив своё внимание в Аджарии на развитии туристического бизнеса. В самом Батуми турецкие коммерческие предприятия открывались на одной из центральных улиц города – Кутаисской, не официально образуя целый турецкий квартал.

Привлекательность Аджарии для турецких инвесторов в 1990-е гг. была связана не столько с отсутствием конкуренции на местном рынке, сколько с политической ситуацией в обеих странах. В декабре 1996 г. правительство Неджметтина Эрбакана вводит полный запрет на занятие игорным бизнесом. В этой связи владельцы закрытых игорных заведений обращают внимание на Грузию, на тот момент не имевшую какого-либо государственного регулирования в этой сфере, и уже в 1998 г. в Батуми открывают первые турецкие казино [18], впоследствии полностью изменившие структуру туристической отрасли региональной экономики. Другим

фактором стали упоминавшиеся ранее политические амбиции А. И. Абашидзе, намеревавшегося провести свою президентскую кампанию за счёт введения налогообложения на деятельность турецких предпринимателей, всё более расширяющих свою сферу деятельности на территории республики [9].

Дальнейшему снятию барьеров движения турецких капиталовложений способствовало общее укрепление отношений между Турцией и Грузией в годы правления Михаила Саакашвили. Так, для турецких инвесторов устанавливались налоговые льготы, что способствовало развитию туристической инфраструктуры и выводу турецких строительных компаний на внутренний рынок Аджарии [9]. Крупнейшими инфраструктурными проектами стали модернизация путей сообщения, в частности: в 2007 г. состоялось открытие батумского аэропорта, который по двусторонним договоренностям между странами используется как внутренний аэропорт Турции [17]. Интерес к аджарской экономике сопряжён с планами турецкого руководства по развитию северо-востока страны: провинций Ризе, Карс, Артин и Ардахан. Многими экспертами неоднократно высказывалось негативное мнение касательно осуществления данной политики, рассматривая турецкие инвестиции как инструмент политического давления [18].

В 2000-х гг. объём внешнеторгового оборота между Турцией и Грузией вырос в 10 раз, достигнув 2 млрд долларов в год, большая часть которого реализовывалась при посредничестве аджарско-турецких предприятий. Кроме того, турецкие предприниматели инвестировали в аджарскую экономику за аналогичный период более 1,2 млрд долларов [4]. В 2014 г. в Аджарии осуществляли деятельность 400 турецких предприятий, а уже в 2018 г. – более 450 [17]. Помимо развития туристической отрасли, турецкие предприниматели осуществляют инвестиции в развитие сельского хозяйства, текстильной промышленности и строительства гидроэлектростанций. В экономической жизни Аджарии активно участвует Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТІКА), финансирующее создание рабочих мест и образование по техническим и медицинским специальностям для жителей труднодоступных горных районов республики [1, с. 67].

Выводы

Успешная реализация неосманской концепции во многом связана с осуществляемой политикой Турции на азербайджанском и центральноазиатском направлении. Данное явление объясняется тем, что населению стран с общим происхождением и религией намного проще налаживать продуктивное взаимодействие в различных сферах общественной и государственной жизни; что в случае аджарского кейса вызывает ряд существенных противоречий.

Необходимо выделить тот факт, что Аджария утратила возможность вести напрямую политический диалог с Турецкой Республикой. Так, раньше это объяснялось тем, что у А. И. Абашидзе были определённые антитурецкие настроения, что делало практически невозможным любое взаимодействие между Турецкой Республикой и Аджарией, а сейчас из-за положений действующей Конституции Аджарии внешнеполитические полномочия руководства республики были существенно ограничены на законодательном уровне.

Для Турции географический фактор Батуми является приоритетным направлением реализации дальнейших проектов в области энергетики. Возможность проведения газо- и нефтепроводов из Казахстана и Туркменистана по дну Каспийского моря обуславливает интерес Турецкой Республики к Грузии, которая теснейшим образом стала за последние 20 лет системообразующей частью внутри турецко-азербайджанского энергетического партнёрства. По этой причине Турция всячески старается повысить привлекательность Аджарии для турецких туристов и предпринимателей, что способствует усилению присутствия, а вместе с ним и влияния в жизни региона.

Ещё в 1920 г. Мустафа Кемаль Ататюрк сделал важнейший стратегический прогноз о том, что выживание Турции напрямую зависит от степени её влияния в закавказском регионе [15, с. 22]. В годы Холодной войны Турция приложила немало усилий для того, чтобы наладить отношения с бывшими стратегическими противниками на Западе, а после распада СССР она предприняла такую же попытку на Востоке. Из всех стран Закавказья для Турции самой благоприятной страной для реализации своих интересов стал Азербайджан в силу их общего тюркского происхождения, но затяжной военной конфликт между Азербайджаном и Арменией, который продолжается до сих пор, тормозит развитие дальнейшей экономической и культурной экспансии Турции в закавказском пространстве, что заставляет Турцию искать новых партнёров для реализации своих интересов. Таким партнёром становится Грузия, укрепляя сотрудничество с которой в различных сферах, Турция стремится сгладить националистическую риторику грузинского руководства по отношению к мусульманскому религиозному меньшинству, образуя, тем самым, наиболее лояльное протурецкое лобби. Стоит, однако, отметить, что наиболее тесным образом Турция оказывала влияние на Аджарию именно в годы правления Михаила Саакашвили, и добившись своих непосредственных целей, постепенно снижает уровень интенсификации проникновения в региональные процессы. В условиях пандемии COVID-19 и девальвации национальной валюты Турция более фокусируется на решение внутренних проблем, временно исключая Аджарию из первоочередной повестки дня.

Список литературы

1. Akınar, P. The Relations between Turkey and the Caucasus / P. Akınar, B. Aras // *Perceptions: Journal of International affairs.* – 2011. – Vol. 16, № 1. – P. 53–69.
2. Aksamaz, A. İ. Lazlar / A. İ. Aksamaz // *Birikim.* – 1995. – Vol. 71, № 3. – P. 128–138.
3. Akyol, C. Gümrük Çalışanların Sorunları ve Beklentileri; Artvin Sarp Sınır Kapısı Örneği / C. Akyol, M. Özdemir // *II. Ulusal Lojistik ve Tedarik Zinciri Kongresi. 16–18 Mayıs 2013.* – Aksaray : Aksaray Üniversitesi Yayınları, 2013. – P. 471–478.
4. Alabay, S. Batum'a yatırım çağrısı / S. Alabay // *Yeni Şafak.* – 08.10.2015. – URL: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/batum-yatirim-cagrisi-2317145> (дата обращения: 18.11.2022).
5. Анаç, Ö. Müslüman Acaralılar: İslam, Din Değişirme ve Dinî Haklar / Ö. Анаç, A. Kahraman, Y. Katirolu // *Gürcistan'daki Müslüman Topluluklar.* – Ankara : Avrasya İncelemeleri Merkez, 2016. – P. 159–193.
6. Balci, B. Islam in post-Soviet Georgia / B. Balci, R. Motika // *Central Asian Survey.* – 2007. – Vol. 26, № 3. – P. 335–353.
7. Batumi – (City, Georgia) – Population Statistics, Charts, Map and Location // *State Department for Statistics of Georgia.* – 01.01.2019. – URL: <https://www.citypopulation.de/php/georgia-admin.php?adm2id=0201> (дата обращения: 18.11.2022)
8. Bordzikhvili, S. Muslims in Batumi are becoming impatient for second mosque. / S. Bordzikhvili // *Open Caucasus Media.* – 01.02.2017. – URL: <https://oc-media.org/features/muslims-in-batumi-are-becoming-impatient-for-second-mosque/> (дата обращения: 18.11.2022).
9. Çetindemir, C. Türk şirketleri Batum'u ihya etti. / Ç. Çetindemir // *Sabah.* 26.10.2012. – URL: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2012/10/26/turk-sirketleri-batumu-ihya-etti> (дата обращения: 18.11.2022).
10. Chichinadze, R. Islam in Georgia: Policy and Integration / R. Chichinadze, G. Khmaladze, A. Sikharulidze, A. Urushadze. – Tbilisi : Caucasian House, 2016. – 80 p.
11. Chkhartishvili, M. Georgian Nationalism and the Idea of Georgian Nation / M. Chkhartishvili // *Codrul Cosminului.* – 2013. – Vol. 19, № 2. – P. 189–206.
12. Constitution of Georgia // *Parliament of the Republic of Georgia.* – 24.08.1995. – URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30346?publication=36> (дата обращения: 18.11.2022).
13. Demirağ, Y. Bağimsızlıktan Kadife Devrime Türkiye-Gürcistan İlişkileri / Y. Demirağ // *Uluslararası İlişkiler.* – 2005. – Sayı 2, № 7. – S. 125–155.
14. Dumbadze, L. Muslims of Batumi: the fight for a new mosque. / L. Dumbadze // *JAMnews.* – 13.09.2017. – URL: <https://jamnews.net/muslims-of-batumi-the-fight-for-a-new-mosque/> (дата обращения: 18.11.2022).
15. Gürün, K. Türk-Sovyet İlişkileri (1920–1953) / K. Gürün. – Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991. – 326 p.
16. Ivanov, V. Religious dimension of Turkey's policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church / V. Ivanov // *Central Asia and the Caucasus.* – 2011. – Vol. 12, № 3. – P. 79–90.

17. Kumboğlu, G. Türk firmaları Acara bölgesinde en ön sıralarda yer almaktadır / G. Kumboğlu // TRT Haber. – 05.12.2016. – URL: <https://www.trthaber.com/haber/dunya/turk-firmalari-acara-bolgesinde-en-on-siralarda-yer-almaktadir-286221.html> (дата обращения: 18.11.2022).
18. Nachkebiya, R. Silent Expansion: Is Turkey buying Georgia? / R. Nachkebiya // Sputnik News. – 26.09.2019. – URL: <https://sputniknews.com/world/201906261076060354-silent-expansion-is-turkey-buying-georgia/> (дата обращения: 18.11.2022).
19. On the Approval of the Constitution of the Autonomous Republic of Ajara // Parliament of the Republic of Georgia. 26.07.2008. – URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/18940?publication=1> (дата обращения: 18.11.2022).
20. On the Status of the Autonomous Republic of Ajara // Parliament of the Republic of Georgia. – 27.12.2011. – URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30442?publication=2> (дата обращения: 18.11.2022).

References

1. Akpınar, P., Aras, B. The Relations between Turkey and the Caucasus. *Perceptions: Journal of International affairs*. 2011, vol. 16, no. 1, pp. 53–69.
2. Aksamaz, A. İ. Lazlar [The Laz people]. *Birikim [Accumulation]*. 1995, vol. 71, no. 3, pp. 128–138.
3. Akyol, C., Özdemir, M. Gümrük Çalışanların Sorunları ve Beklentileri; Artvin Sarp Sınır Kapısı Örneği [Problems and Expectations of Customs Employees; Artvin Sarp Border Gate Example]. *II. Ulusal Lojistik ve Tedarik Zinciri Kongresi. 16–18 Mayıs 2013* [Second National Logistics and Supply Chain Congress. 16–18 May 2013]. Aksaray: Aksaray University Press; 2013, pp. 471–478.
4. Alabay, S. *Batum'a yatırım çağırısı* [Investment call in Batumi]. 08.10.2015. Available at: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/batuma-yatirim-cagrisi-2317145> (accessed: 18.11.2022).
5. Anaç, Ö., Kahraman, A., Kattiarou, Y. Müslüman Acarlılar: İslam, Din Değişirme ve Dinî Haklar [Muslim Adjarians: Islam, Conversion and Religious Rights]. *Gürcistan'daki Müslüman Topluluklar* [Georgian Muslim Communities]. Ankara: Avrasya İncelemeleri Merkezi; 2016, pp. 159–193.
6. Balci, B., Motika, R. Islam in post-Soviet Georgia. *Central Asian Survey*. 2007, vol. 26, no. 3, pp. 335–353.
7. *Batumi – (City, Georgia) – Population Statistics, Charts, Map and Location*. 01.01.2019. Available at: <https://www.citypopulation.de/php/georgia-admin.php?adm2id=0201> (accessed: 18.11.2022).
8. Bordzıkashvili, S. *Muslims in Batumi are becoming impatient for second mosque*. 01.02.2017. Available at: <https://oc-media.org/features/muslims-in-batumi-are-becoming-impatient-for-second-mosque/> (accessed: 18.11.2022).
9. Çetindemir, Ç., Özmen, E. *Türk şirketleri Batum'u ihya etti* [Turkish companies revived Batumi]. Available at <https://www.sabah.com.tr/gundem/2012/10/26/turk-sirketleri-batumu-ihya-etti> (accessed: 18.11.2022).
10. Chichinadze, R., Khmaladze, G., Sikharulidze, A., Urushadze, M. *Islam in Georgia: Policy and Integration*. Tbilisi: Caucasian House; 2016, 80 p.
11. Chkhartishvili, M. Georgian Nationalism and the Idea of Georgian Nation. *Codrul Cosminului*. 2013, vol. 19, no. 2, pp. 189–206.
12. *Constitution of Georgia. Parliament of the Republic of Georgia*. 24.08.1995. Available at: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30346?publication=36> (accessed: 18.11.2022).
13. Demirag, Y. Bağımsızlıktan Kadife Devrime Türkiye-Gürcistan İlişkileri [Turkey-Georgia Relations from Independence to Velvet Revolution]. *Uluslararası İlişkiler* [International Relations' Issues]. 2005, vol. 2, no. 7, pp. 125–155.
14. Dumbadze, L. *Muslims of Batumi: the fight for a new mosque*. 13.09.2017. Available at: <https://jam-news.net/muslims-of-batumi-the-fight-for-a-new-mosque/> (accessed: 17.10.2022).
15. Gürün, K. *Türk-Sovyet İlişkileri (1920–1953)* [Turkish-Soviet Relations]. Ankara: Turkish Historical Society Press; 1991, 326 p.
16. Ivanov, V. Religious dimension of Turkey's policy in Ajara and the Georgian Orthodox church. *Central Asia and the Caucasus*. 2011, vol. 12, no. 3, pp. 79–90.
17. Kumboğlu, G. *Türk firmaları Acara bölgesinde en ön sıralarda yer almaktadır* [Turkish companies are at the forefront in the Adjara region]. 05.12.2016. Available at: <https://www.trthaber.com/haber/dunya/turk-firmalari-acara-bolgesinde-en-on-siralarda-yer-almaktadir-286221.html> (accessed: 18.11.2022).
18. Nachkebiya, R. *Silent Expansion: Is Turkey buying Georgia?* 26.09.2019. Available at: <https://sputniknews.com/world/201906261076060354-silent-expansion-is-turkey-buying-georgia/> (accessed: 18.11.2022).
19. *On the Approval of the Constitution of the Autonomous Republic of Ajara*. 26.07.2008. Available at: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/18940?publication=1> (accessed: 18.11.2022).
20. *On the Status of the Autonomous Republic of Ajara*. 27.12.2011. Available at: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30442?publication=2> (accessed: 18.11.2022).

Информация об авторах

Ахматшина Э. К. – кандидат политических наук;
Лученков И. Р. – магистрант.

Information about the authors

Akhmatshina E. K. – Candidate of Political Sciences;
Luichenkov I. R. – Master's student.

Вклад авторов

Ахматшина Э. К. – структурирование материала, редактирование текста, написание выводов;
Лученков И. Р. – сбор и анализ данных, техническое оформление статьи, написание выводов.

Contribution of the authors

Akhmatshina E. K. – structuring material, editing text, concluding writing.
Luichenkov I. R. – collection and analysis of data, technical design of the article, concluding writing.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 30.01.2023.

The article was submitted 21.11.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 30.01.2023.